

На правах рукописи

Хлопкова

Хлопкова Елена Владимировна

**КОНЦЕПТ ЖИЗНЬ В ИДИОЛЕКТЕ ВИКТОРА
ПЕЛЕВИНА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 11.01.2012.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Печать оперативная.
Тираж 100 экз. Заказ № 1102.

Тольятти – 2012

Отпечатано в типографии "Няка"
Лицензия на полиграфическую деятельность № 004812968 от 19.09.2008г.

Общая характеристика работы

Работа выполнена на кафедре русского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Тольяттинский государственный университет»

Научный руководитель: Лопарева Диляра Камильевна,
кандидат филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: Мерзлякова Альфия Хамитовна,
доктор филологических наук, профессор

Попова Ирина Вадимовна,
кандидат филологических наук, доцент

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

Защита состоится «13» *сентября* 2012 г. в *13* часов на заседании диссертационного совета Д *212.275.07* при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2, ауд. 221.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», с авторефератом – на сайте УдГУ: www.lib.udsu.ru

Автореферат разослан «14» *сентября* 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент И.Г. Медведева

Настоящая работа посвящена лингвокогнитивному исследованию концепта *Жизнь* в идиолекте Виктора Пелевина.

Проблема изучения концептов не является новой, ей посвящено достаточное количество трудов как западных лингвистов (Э. Бенвенист, Л. Вайсгербер, В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф), изучавших процессы духовного воссоздания мира посредством слова и рассматривающих язык как систему мировидения, так и отечественных (Н.Ф. Алефиренко, С.А. Аскольдов, И.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.В. Колесов, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, С.Х. Ляпин, В.А. Маслова, В.Я. Мыркин, З.Д. Попова, Ю.Е. Прохоров, Н.В. Сафонова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Н.В. Уфимцева, Р.М. Фрумкина, Л.О. Чернейко и мн. др.).

Особый интерес представляет выявление концептов в художественном тексте и реконструкция языковой картины мира отдельного автора, поскольку единицы, образующие текст, приобретают дополнительные значения, которые, определяя особую целостность художественного текста, являются совокупностью знаний о способе формирования и существования человека в мире. Восприятие окружающего мира является детерминантой его поведения и сознания (Л.Г. Бабенко, О.Е. Беспалова, И.А. Быдина, О.В. Веселовская, И.И. Карташова, Ю.М. Лютман, Н.Т. Орлова, И.А. Тарасова и др.).

Актуальность данного диссертационного исследования определяется назревшей необходимостью анализа основных лингвокультурных концептов, являющихся важной составляющей языковой картины мира не только определенного этноса, но и отдельной личности.

Категория «языковая личность» (Ю.Н. Караулов) стала неотъемлемой частью концептуального аппарата современной лингвистики. Это позволило ей функционировать не только в лингвистической, но и в междисциплинарной области, занимающейся комплексным изучением человека.

Языковая личность через интеллект, интуицию, пресуппозицию, эмоции и речевой темперамент (Ю.Н. Караулов) напрямую связана с создаваемой ею картиной мира. Особенности мировидения автора характеризуются выбором лексики, отражающей то или иное явление действительности, переосмыслением семантической структуры ключевого слова, репрезентирующего определенный концепт, использованием грамматических и синтаксических ресурсов языка, что выявляется в процессе анализа художественных произведений.

Объектом исследования в настоящей работе является концепт *Жизнь*, **предметом** исследования - структура и языковые средства объективации ключевого концепта *Жизнь* в творчестве В. Пелевина.

Цель диссертационного исследования заключается в моделировании фрагмента языковой картины мира В. Пелевина посредством анализа языковой репрезентации содержания концепта *Жизнь*, представленной в его произведениях.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- определение специфики художественного концепта;
- выделение структурных индивидуально-авторских компонентов (термин В.И. Карасика, З.Д. Поповой и И.А. Стернина) анализируемого концепта;
- анализ контекстуальных значений ядерных и периферических репрезентантов концепта *Жизнь* в произведениях В. Пелевина;
- выявление периферических средств языковой экспликации концепта *Жизнь*.

Выбор методов лингвистического анализа, применяемых в данной работе, обусловлен целью и характером исследуемого материала. Ими стали: наблюдение над языковым материалом, метод моделирования, включающий в себя представление ментального содержания концепта в виде поля, метод концептуального анализа, который предполагает совокупность следующих приемов:

- контекстуального анализа;
- компонентного анализа;
- лексикографического анализа.

Материалом для исследования концепта послужил исследовательский корпус объемом более 1000 единиц, полученный методом сплошной выборки из произведений В. Пелевина.

Новизна исследования заключается в том, что выявлена специфика концепта *Жизнь* в идиолекте В. Пелевина, позволившая реконструировать фрагмент языковой картины мира автора, творчество которого еще не становилось объектом исследования в лингвокогнитивном аспекте.

Теоретическая значимость работы обусловлена совершенствованием методики лингвокогнитивного анализа общественно и культурно значимого концепта, находящегося в стадии активного формирования в творчестве В. Пелевина.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в практике вузовского преподавания в курсах «Лексикология», «Общее языкознание», спецкурсах по когнитивной лингвистике, лингвистическому анализу художественного текста, в лексикографической практике по составлению словаря концептов современного русского языка, в лингвистических исследованиях творчества В. Пелевина, а также в антропоцентрических исследованиях.

На защиту выносятся следующие положения:

1) представленные структурные компоненты концепта *Жизнь* в произведениях В. Пелевина отличаются от словарных дефиниций исследуемого концепта своей социально-ментальной направленностью;

2) ядро и периферия концепта *Жизнь* включают в себя такие основные компоненты, как *Существование*, *Судьба*, *Качество жизни* и *Длительность*;

3) периферия представлена индивидуально-авторскими компонентами *Борьба*, *Темнота*, *Мир*, *Тоска* и одиночными экспликаторами;

4) исследуемый концепт *Жизнь* обладает отрицательно-оценочным коннотативным значением, так как интерпретационное поле, в котором более всего представлено субъективное, отражает особое мировидение автора.

Апробация работы. Основные теоретические положения и практические результаты исследования отражены в статьях и тезисах, представленных на международных научных и научно-практических конференциях: «Слово и культура: проблемы германской, романской и славянской стилистики» – Горловка: Горловский государственный педагогический институт Министерства просвещения и науки Украины, 2007; «Текст: теория и методика в контексте вузовского образования» – Голытки: ТГУ, 2008; «Слово и культура: проблемы германской, романской и славянской стилистики» – Горловка: Горловский государственный педагогический институт Министерства просвещения и науки Украины, 2009; IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» – Москва: МГУ, 2010; «Ученые записки» Российского государственного социального университета, № 1, 2010; Социальная политика и социология, №9(97), 2011 г.

Структура диссертационного исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, насчитывающего 215 наименований.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, определяются объект, предмет исследования, цель и задачи работы, аргументируется ее новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся основные методы исследования, излагается структура диссертации, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Теоретические основы исследования концепта в современной лингвистике. Языковая картина мира» представлены теоретические положения по проблеме определения сущности понятия «концепт» и его связи с языковой картиной мира.

В первом параграфе рассматриваются различные подходы к пониманию концепта: лингвистический (С.А. Аскольдов, В.В. Колесов, Д.С. Лихачев), культурологический (Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия), когнитивный (В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Л.Г. Лузина, Ю.Г.

Панкрац, З.Д. Попова, И.А. Стернин). Представители последнего подхода занимаются исследованием значения единиц, представляющих в языке тот или иной концепт, что позволяет говорить о них как о ментальных сущностях.

Разделяя точку зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина, под концептом мы понимаем ментальное образование, которое является базовой единицей умственного кода человека, обладает относительно упорядоченной внутренней структурой, несет комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении и представляет собой результат когнитивной деятельности личности и общества.

Понимая концепт как сложный комплекс признаков, необходимо обозначить его разноуровневое выражение в языке: это и лексика, и фразеологизмы, и словосочетания, и предложения, и тексты. Наряду с этим, нам представляется важным отметить динамичность концепта, которая проявляется в парадигматике концептом на протяжении своего существования дополнительных признаков, что ведет к его обогащению или деформации (Н.В. Кириченко, О.Ю. Крючкова и др.).

Частотность языковых репрезентаций концепта является важным показателем его значимости в когнитивном сознании народа, которая отражает не только языковую, но и лингво-социальную актуальность концепта. Определенный предмет или явление в соответствующий период развития общества подвергается дополнительному осмыслению, при этом в нем могут появляться новые признаки, которые обуславливают расширение номинативного поля концепта и увеличение его номинативной плотности (З.Д. Попова, И.А. Стернин).

Принимая во внимание способ репрезентации, мы исследовали концепт *Жизнь* как авторский (Л.П. Чурилина).

Во **втором параграфе** рассматриваются художественный концепт и языковая картина мира. Под концептуальной картиной мира понимается «образ» мира, облеченный в какую-либо систему знаков; под языковой картиной мира – та часть концептуального мира человека, которая имеет языковое выражение (Г.А. Бругян, Ю.Н. Караулов, Г.В. Колпанский, Б.А. Серебрянников, В.П. Телия, Н.В. Уфимцева и др.).

Категория «языковая личность», ставшая частью концептуального аппарата современной лингвистики, трактуется как глубоко национальный феномен, ибо личность, как и язык, невозможно рассматривать и исследовать в отрыве от национальной принадлежности и культурно-ценностных установок и ориентаций нации (Ю.Н. Караулов).

Каждая конкретная семантико-психологическая и эмоционально-эстетическая реализация концепта в границах художественного текста определяется особенностями языкового сознания личности. Языковая личность – обобщенный образ носителя и проводника культурных, языковых, коммуникативно-деятельностных поведенческих реакций, ценностей, знаний, установок, традиций и возможностей (Н.В. Уфимцева).

Индивидуальное авторское мировидение выражается в языке

художественного текста через особенности языковых средств. Одним из них является ассоциативная связь слов, при помощи которой языковая картина мира, представленная в тексте, соотносится с индивидуально-авторской концептуальной картиной мира. Ассоциативные связи слов, организующие текстовые и межтекстовые ассоциативно-смысловые поля, позволяют определить содержание того или иного концепта.

Единицей художественного текста и основой для его интерпретации в лингвоэстетике признается художественный концепт (И.И. Бабенко, Л.Г. Бабенко, И.А. Быдина, О.Е. Беспалова, О.В. Веселовская, И.И. Карташова, Н.Т. Орлова, И.А. Тарасова, О.Ю. Шипкина и др.). Вслед за О.Ю. Шипкиной, под художественным концептом мы понимаем ментально-языковую единицу, которая формируется в сознании автора и объективируется в художественных текстах с помощью стилистических приемов и языковых средств. Художественный концепт реконструируется исследователями, вмещающая в себя как общекультурные, так и индивидуально-авторские пласты (конструкты) (А.Г. Грек, Е.Г. Малышева, Т.Ю. Хатунцева, Хо Сон Тэ, Л.О. Чернейко, О.С. Чумак и др.). Художественный концепт формируется на основе сочетания всеобщего и частного: универсальных и индивидуальных представлений. Ценность «универсальных» концептов не только значительная, но и определяющая. «Авторские» концепты обладают большей вариативностью, индивидуальностью, эстетическими смыслами и содержат элемент новизны в структуре текста. Возможность этого процесса заключается в способности концепта к развитию.

В художественном концепте выделяем следующие свойства: функцию замещения; неподчиненность законам логики; отсутствие жесткой связи с реальностью; динамическую направленность по отношению к реальному образцу; индивидуальность и образность (С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев, М.В. Никитин и др.).

Значительную часть в ядре художественного концепта занимают индивидуально-авторские представления мировидения писателя, поэтому можно говорить о включении в ядро художественного концепта единиц периферийной части содержания его культурного аналога, поскольку художественный концепт эксплицируется не только словом в номинативном значении, но и эстетически значимыми употреблением.

В **третьем параграфе** рассматриваются методики концептуального анализа. Концептуальный анализ служит для выявления глубинных смыслов слова, связанных с окружающим миром и человеком, его сознанием и мышлением. В целом концептуальный анализ можно определить, как обнаружение и описание содержания концептов, хотя в современной когнитивной науке нет единого подхода к методике концептуального анализа (В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, С.Е. Никитина, Р.М. Фрумкина и др.).

В.А. Маслова предлагает методику проведения концептуального анализа исходя из структурных особенностей концепта. К ядру относятся

словарные значения той или иной лексемы, которые заключают в себе большие возможности в раскрытии содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения. Периферия, в свою очередь, представляет собой субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации.

В ходе концептуального анализа необходимо учитывать, что в силу своей специфики наряду с эксплицитной информацией художественный текст содержит и имплицитную, которая предполагает существование эстетических данных, отражающих авторскую точку зрения, субъективную экспрессивность и эмоциональность (Л.А. Исаева, З.Я. Тураева и др.).

Все существующие методики в изучении концепта можно разделить на два подхода: «отсистемный» (Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия), заключающийся в лексикографическом описании ключевых слов – вербализаторов концепта, и «оттекстовый» (Г.В. Колшанский, Н.А. Кузьмина, М.Р. Проскураков), представляющий собой анализ концепта в тексте, выводящий его индивидуально-авторские смыслы из контекстов, которые позволяют реконструировать фрагмент авторской картины мира.

В работе мы проводили анализ концепта *Жизнь* в произведениях В. Пелевина с учетом поставленных задач и имеющегося материала исследования, используя оба подхода, где оттекстовый является наиважнейшим.

Во второй главе «Концепт *Жизнь* и его языковая репрезентация в творчестве В. Пелевина» рассматриваются литературоведческий и лингвистический аспекты изучения творчества Виктора Пелевина как одного из ярких представителей постмодернизма в современной литературе. Выстроена полевая структура концепта *Жизнь* на совокупном материале его произведений.

В первом параграфе отмечается, что постмодернизм занимает главенствующее место в литературе конца XX — начала XXI века. Его истоки лежат в творчестве таких авторов, как А. Битов, В. Ерофеев, А. Терц. Постмодернизм получил дальнейшее развитие в произведениях С. Соколова, Д. Галковского, А. Жолковского, В. Некрасова, поэзии Д. Пригова, Т. Кибирова, Л. Рубинштейна, И. Иртеньева и многих других авторов. Последнее десятилетие принадлежит таким сравнительно молодым писателям, как В. Пелевин и В. Сорокин.

Важным разграничением для литературы постмодернизма является дифференциация читателей по уровню их квалификации, включающей не только большую или меньшую степень знакомства с языком, которым написан текст, принципами его построения, соотношением между разными типами текстов, но и знание предтекстов, жанровых и языковых моделей, композиционных и лингвистических структур художественного текста (В.Н. Волопьев, В.И. Руднев, М.Ю. Сидорова, И.А. Скоропанова, Б. Тух, В. Шаманский и др.).

Расплывчатость жанровых границ литературы постмодернизма сопрягается с неясностью в разграничении массовой и «большой», или

элитарной, литературы, которая больше полагается на сотворчество читателя и его готовность к обману ожиданий при восприятии языкового облика произведения, в частности, позволяет себе «кусковость», ослабленную сюжетность, отсутствие знаков препинания (М.Ю. Сидорова, Е.А. Шкловский и др.).

Художественный текст предстает как многомерное образование, что определяется уровнем знания предтекстов и способностью читателя к постоянному удержанию в сознании самого воспринимаемого текста; «жанровая игра», находящая отражение в языковых средствах построения сюжетного плана, временная и субъектная неопределенность (М.Ю. Сидорова). Все отмеченные особенности характерны для идиолекта В. Пелевина.

Своеобразие поэтической языковой личности отражается в художественных текстах, поэтому обращение к отдельным концептам и средствам их объективации, а также к выявлению способов их ассоциативно-смыслового взаимодействия в художественном тексте позволяют реконструировать картину мира отдельного автора.

Во втором параграфе анализируются репрезентанты концепта *Жизнь* в произведениях В. Пелевина. В этом качестве рассматриваются единицы, функционирующие как в речи автора, так и в речи персонажей художественных произведений.

Понятие «жизнь» в словарях представлено шестью значениями: 1. Совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи. 2. Физиологическое существование человека, животного, всего живого. 3. Время такого существования от его возникновения до конца, а также в какой-нибудь его период. 4. Деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях. 5. Реальная действительность. 6. Оживление, проявление деятельности, энергии». Однако анализ словарных дефиниций и зафиксированных в них примеров не исчерпывают всего содержания данного концепта. Лексикографическое сознание, стремясь к унификации толкований, не учитывает аспект речевой реализации и связанных с этим личностных ассоциативно-образных трансформаций и специфики концепта *Жизнь* в целостной языковой картине мира русского народа и личности.

Раскрыть содержание и объем концепта представляется возможным, выделив и описав все значения его имени в контексте, так как семантика слова проявляется в контекстном окружении.

Ядро рассматриваемого концепта составляет понимание жизни как биологического существования. Именно в этом значении слово «жизнь» зафиксировано в словарях. На ядро наслаиваются различные компоненты. Концепт не является четко структурированной единицей, внутри него «перетекают и переливаются» концептуальные признаки, поэтому его структурные компоненты не имеют точных границ, наоборот, они соприкасаются и во многом пересекаются. Каждое конкретное словоупотребление, входящее в тот или иной компонент концепта,

отражает только индивидуальные представления автора, и в результате множества таких словоупотреблений появляется возможность выделить основное содержание концепта. Рассмотрев отдельные компоненты концепта, можно составить представление о его структуре в целом.

Существование – один из основных концептуальных признаков концепта *Жизнь*. В произведениях В. Пелевина использование контекстуальных синонимов, метафор характеризует жизнь как статичное и бесцельное существование. Актуализация доминанты жизненного существования сопровождается отрицательно-оценочными коннотациями: *бессмысленное, дряблое, утомительное, монотонное, тяжелое, труднопонимаемое, печальное, однообразное, бредное, рутинное, ненавистное, темное* и пр.

«Темная труднопонимаемая жизнь соседей, их тухлые испарения и тупая жизнеспособность угрожали Номеру XII, потому что само существование этих приземистых построек отрицало все остальное и каждой каплей рассола в бочках заявляло, что Номер XII в этой вселенной совершенно не нужен» (Жизнь и приключения сарая Номер XII).

Отрицательное отношение к жизни актуализируется метафорами «долго копившаяся тяжелая ненависть», «жирное дряблое тело», словосочетаниями с отрицательной частицей *не* («не селился», «не ходил никогда»). Определение смысла существования получает иронически-негативный оттенок, а ненависть человека к самому себе порождает оценку бесцельности и бессмысленности жизни.

«...словно из глубин его сердца вырвалась на свободу долго копившаяся тяжелая ненависть к себе, к своему жирному дряблему телу и бессмысленной жизни...» (Стремление мотылька к огню).

«Улица была какой-то безжизненной, словно никто тут не селился и даже не ходил никогда, и единственным оправданием и смыслом ее существования был выцветший стенд наглядной агитации, аллегорически, в виде двух мускулистых фигур, изображавший народ и партию в состоянии единства» (Проблема верволка в средней полосе).

Монотонность жизни подчеркивается словом «рутинный», обозначающим «консерватизм и застой в делах, образе жизни», а также определениями «утомительный, однообразный», которые в сочетании с выражением «однообразная последовательность», где «однообразный» – «постоянно такой же, не меняющийся», а «последовательность» – «непрерывность одного, следующего за другим», используются для актуализации бесцельности человеческого существования.

«К тому времени, когда он стал задумываться, все ли делает верно, его жизнь стала рутинной и состояла большей частью из очень похожих событий, повторяющихся в однообразной последовательности» (Русский лес).

Контекстуальным синонимом к слову «радость» выступает «печаль», что также является характеристикой беспросветной и бесцельной жизни. Печаль бытия подчеркивается глаголом «выть» (а не петь), употребление

которого близко по значению «изнывать от скуки и тоски», что свидетельствует о статичности жизни персонажей («утром бывает утро, а вечером – вечер»), о ее однообразии и отсутствии каких бы то ни было перемен.

«Саша понимал и чувства, наполняющие каждый голос, и смысл всего вместе. Каждый голос выд о своем <> о радости из-за того, что они живут, что утром бывает утро, а вечером – вечер, и еще о какой-то непонятной печали, похожей на радость» (Проблема верволка в средней полосе).

Таким образом, ядро концепта *Жизнь* у В. Пелевина составляет понимание жизни как биологического существования и имеет отрицательно-оценочное коннотативное значение от контекстного характера.

К приядерной зоне отнесены компоненты *Судьба, Качество жизни, Длительность*. Что же касается компонентов *Движение, Целостность жизни*, зафиксированных в различных словарях, то они не реализуются в анализируемых текстах автора в словарных значениях, причем репрезентант «целостность» как полнота проявления физических и духовных сил противопоставляется существованию, контекстуально представляющему собой бесцельное проживание (*не жизнь, а существование*).

Судьба – приядерный компонент концепта *Жизнь*, реализуемый в произведениях В. Пелевина, который мы называем *актуалемой*, потому что она отражает социально значимые явления общества на определенном историческом этапе. Актуалема *Судьба* объединяет лексемы, интерпретирующие жизнь человека. Существительное «судьба» в русском языке имеет значения: «стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека»; «история существования»; «доля, участь». За лексемой закрепляется представление о том, что из множества возможных линий развития событий в определенный момент выбирается одна, «не зависящая от воли человека».

«А ее жизнь, как и у остальных сомна теней, была почти чистым страданием» (Иван Кублаханов).

В текстах В. Пелевина происходит реорганизация семантического пространства слова «судьба». Использование сравнений, метафорических контекстов, авторской синонимии дает возможность говорить о том, что *Судьба* становится одним из основных эстетических признаков концепта *Жизнь*.

«К столику подошла официантка с багровым лишаем на строгом, как у судьбы, лице» (Энтомопилот).

«Это ведь его клетка, а не ваша, – приглаживая волосы, сказал господин с бакенбардами. Ему в ней и жить» (Зигмунд в кафе).

«Внизу делала свои однообразные движения жизнь – мириады разноцветных насекомых ползли по земле, и каждое из них толкало перед собой навозный шар» (Инициация).

У автора доминирует отрицательная интерпретация жизненного пути. Жизнь сопоставима с судьбой как с чем-то неизбежным, что обнаруживается в составе лексики: «тяжелая и страшная судьба», «покойный папа». Совокупная часть высказываний передает картину жизни главных героев, полную драматизма.

«У меня была тяжелая и страшная судьба. У твоего покойного папы – тоже. И я хочу, чтобы с тобой было все иначе» (Второй мир).

Покорность судьбе прослеживается в использовании автором синтаксических конструкций «никто не спрашивает, согласны мы или нет», «ничего не остается». «Быть пассажиром поезда» означает передвижение человека, некое изменение в его жизни, а для персонажей противопоставление «ехать в поезде и не быть его пассажиром» подчеркивает статичность их бытия и отсутствие возможности изменить свою судьбу.

• - Нас никто не спрашивает, - сказал Андрей, - согласны мы или нет. Мы даже не помним, как сюда попали. Мы просто едем, и все. Ничего не остается.

- Остается самое сложное в жизни. Ехать в поезде и не быть его пассажиром (Желтая стрела).

Актуальность Судьба является основным эстетическим признаком концепта Жизнь, что подтверждается частотой использования ее репрезентантов.

В качестве индикатора Качества жизни представлен широкий атрибутивный ряд с отрицательно-оценочной коннотацией: дряблая, бесмысленная, бесцельная, беспросветная, страшная, грустная, печальная, равнодушная, одиокая, скоротечная и пр.

«Мы очередники. Нас на площадь вселили<> Жизнь страшная стала. В коридоре давка, сил нет» (Желтая стрела).

«...Есть что-то такое, что оправдывает самую грустную жизнь. - сказал вдруг Затворник» (Затворник и Шестипалый).

Положительно-оценочная коннотация реализуется лишь в контекстах, связанных с мечтами персонажей о свободе и прекрасной жизни, которую им увидеть и в которой жить, возможно, никогда не суждено.

«Марина вспомнила фанерный щит у видеобара, изображавший непостижимо прекрасную жизнь...» (Три чувства молодой матери).

Качество жизни как «счастливое существование в полном довольстве» не входит в парадигму восприятия В. Пелевиным жизни человека. Отрицательное качество определяется наличием огромного круга проблем – жилищных, социальных, межличностных и внутриличностных, – что находит свое подтверждение при исследовании языка творчества В. Пелевина.

Компонент Длительность реализуется с помощью лексем: рождение, смерть, мгновение, дни, век, путь.

Стук колес, путь метафорично символизируют монотонность, ритмичность и однообразие жизни.

«- Ну что ж, - сказала Одноглазка, - тогда я хочу пожелать тебе успеха на твоём пути, каким бы он ни был» (Затворник и Шестипалый).

«Стук колес, сопровожающий каждого из нас с момента рождения до смерти, - это, конечно, самый привычный для нас звук» (Желтая стрела).

Моделью, ориентированной на субъект оценки, является концепция контраста, в соответствии с которой жизнь противопоставляется смерти, являющейся одной из коренных основ человеческого бытия, однако особенностью языка В. Пелевина является то, что понятия «жизнь» и «смерть» выступают в качестве контекстуальных синонимов, в результате чего происходит смещение акцентов в понимании жизни и смерти.

«За всю смерть такого тупого мертвеца первый раз вижу» (Синий фонарь).

«Всё дороги, на которых встречалась она(тайна), утрались в смерть. Это значит, что поиск прекрасного в конечном счете вел к гибели, то есть смерть и красота оказывались, в сущности, одним и тем же» (Гость на празднике Бон).

«Осточертевшее пространство всеобщей жизни и смерти» (Желтая стрела).

Использование иронии, сравнений, метафор, контекстуальных синонимов подтверждает мысль о том, что ассоциативные концептуальные связи устанавливаются с такими словами, которые не являются синонимами. Их коммуникативная значимость связана с ценностью выражаемого концепта для отдельного автора.

Таким образом, о рекуррентности исследуемого концепта в языке В. Пелевина можно судить по его высокой номинативной плотности, о чем свидетельствует большое количество его ядерных и приядерных репрезентантов.

Периферия концепта Жизнь представлена компонентами Темнота, Борьба, Мир, Тоска и одиночными экспликаторами Дорога, Реальность, Тайна, Тревога с преобладанием в них отрицательно-оценочных коннотативных значений.

«Темнота» и «жизнь» тождественны друг другу. Ощущение статичности актуализируют прилагательные «бесконечный» и «тихий». Так, темнота становится качественной характеристикой пустоты, которая реализует совокупное значение «отсутствия интересов, стремлений», что ассоциативно связывается с фразеологизмами «пустая жизнь», «прожить жизнь впустую».

«Знаешь, если бы я писал роман о насекомых, я бы так и изобразил их жизнь – какой-нибудь поселок у моря, темнота, и в этой темноте горит несколько электрических лампочек, а под ними отвертительные танцы» (Памяти Марка Аврелия).

«Он<...>посмотрел в темноту. Она была бесконечной и тихой; из нее прилетал теплый ветер, полный множества незнакомых запахов<...> Андрей посмотрел<...> с обеих сторон не было видно ничего, кроме темной пустоты» (Желтая стрела).

Метафора «жизнь-борьба» экстраполируется на многие контексты исследуемого автора, поскольку ядро анализируемого концепта представлено значением «биологического существования, «главным признаком которого является обмен веществ», что сближается с фразеологическим оборотом «борьба за выживание». Особое значение у В. Пелевина получает идея борьбы за место под солнцем: цель жизни - занять определенное положение среди людей. Для одних борьба заключается в стремлении не потерять своего места, а для других -- в ожидании и надежде на лучшее в жизни: «есть на что надеяться в жизни».

«А жизнь – очень непростая вещь. Марина задумалась, пытаясь в несколько слов сжать весь свой горький опыт<...>, чтобы передать Наташе главный итог своих раздумий. - Жизнь <...> это борьба. В этой борьбе побеждает сильнейший» (Три чувства молодой матери).

«Всегда поражался<> как здесь все мудро устроено. Те, кто стоит близко к кормушке-поилке, счастливы в основном потому, что все время помнят о желающих попасть на их место. А те, кто всю жизнь ждет, когда между стоящими впереди появится целочка, счастливы потому, что им есть на что надеяться в жизни» (Затворник и Шестипалый).

Метафора «жизнь-мир» реализуется контекстно, отрицательная коннотация актуализируется атрибутивом «печален». Выражение «этот мир» подразумевает наличие других миров, неизвестных персонажам. Их мир метафорично репрезентирован «странной каменной пустыней», представляющей собой холодное место, где отсутствует жизнь, а синтаксическая конструкция «летят остатки чьих-то жизней» подчеркивает пренебрежение к человеческой жизни и ее скоротечность. Статичное и унылое существование в окружающем мире подчеркивается выражениями «забитые грязью щели», «ржавые железные скобы», что свидетельствует о запустении и заброшенности.

«...Казалось, что он смотрит с невообразимо высокой горы на раскинувшуюся внизу странную каменную пустыню, над которой миллионы лет происходит одно и то же: несется ветер и в нем летят остатки чьих-то жизней, выглядящих издалека соломинками, бумажками, щепками и еще как-то. В каждом дне есть точка, которая скрепляет его с прошлым и будущим. До чего же печален этот мир...» (Затворник и Шестипалый).

«Через каждые три метра появлялись забитые грязью щели между плитами – в некоторых росла трава. На краях плит были неглубокие выемки с ржавыми железными скобами, предназначенными для крюка подъемного крана. Больше об окружающем мире ничего нельзя было сказать» (Инициация).

Исходя из анализа языкового материала, образная составляющая концепта Жизнь была бы неполной без описания контекстуальной метафоры «жизнь-тоска». Монотонность и однообразие жизни, символизирующие тоску, подчеркиваются использованием синтаксических конструкций «жизнь прошла зря», «плакать совершенно бессмысленно», а также глаголов несовершенного вида: замирал, принимался, слезал, начинал.

«И он тоже затрепал своими широкими горловыми пластинами о том, что жизнь прошла зря, и о том, что она вообще не может пройти не зря, и о том, что плакать по всем этим поводам совершенно бессмысленно» (Paradise).

«Иногда Николай замирал и принимался рассказывать о своей службе, о делах, о товарищах; скоро Марина уже знала их всех по именам и званиям. Когда Николай слезал с нее, он сразу же начинал работать по дому – сначала углубил нишу для еды, потом принялся заделывать выход, ведущий к двум гаражам. Марина ощутила беспричинную тоску» (Жизнь за царя).

Нечеткость и размытость границ исследуемого концепта даю возможность выделить одиночные экспликативы концепта Жизнь, ассоциативно реализуемые в произведениях В. Пелевина и отражающие специфику индивидуально-авторского представления о мире: Дорога, Реальность, Тайна, Тревога.

Жизнь соотносится с дорогой, обозначающей «путь следования», а также «путешествие; пребывание в пути». Употребление выражения «непонятно куда ведущая кривая трона» и слова «пропасть», которое имеет значение «крутой и глубокий обрыв, бездна» и сближается по значению с метафорой «быть на краю гибели», ассоциируется с концом жизненного пути, что подтверждается глаголами «не выведет», «закончится». Употребление словосочетания «глухая чаща», означающего «густой лес, безлюдное пространство», и устойчивого выражения «царство зла», где зло - «вечто дурное, вредное», является символом несчастья и беды.

«Грустно было Маши глядеть на это, и собственная жизнь, начатая двадцать пять лет назад неведомой волей, вдруг показалась ей такой же дорогой – сначала прямой и ровной, обсаженной ровными рядами простых истин, а потом забытой неизвестным начальством и превратившейся в непонятно куда ведущую кривую тропу» (Бубен Верхнего Мира).

«Ему начинало казаться, что он погружается все глубже и глубже в какую-то пропасть и дорога не выведет его никуда, а, наоборот, заведет в глухую чащу и закончится в царстве зла, среди огромных дубов, шевелящих рукообразными ветвями...» (Проблема верволка в средней полосе).

Реальность жизни проявляется в использовании автором слова «норы» как места обитания человека, определений «темные» и «грязные».

Метафора «жидкие звезды», а также употребление суффикса *-еньк-* при образовании прилагательного «реденькие» имеют пренебрежительное значение. Автором максимально точно описаны реалии постперестроечного периода, в которых отражена жизнь эпохи перемен и общая духовная деградация, что подтверждается выражениями «пустые бутылки», «воющий табачный дым». Вследствие этого человек у В. Пелевина – лишённое индивидуальных признаков существо (М.А. Ореидко), а жизнь его – бессмысленное существование.

«Да, это было так – норы, в которых проходила наша жизнь, действительно были темны и грязны, и сами мы, может быть, были под стать этим норам – но в синем небе над нашими головами среди реденьких и жидких звезд существовали особые сверкающие точки, искусственные, медленно ползущие среди созвездий, созданные тут, на советской земле, среди блевоты, пустых бутылок и воющего табачного дыма – построенные из стали, полупроводников и электричества и теперь летящие в космосе» (Омон Ра).

Индивидуально-авторская метафора «жизнь-тайна» прослеживается в использовании религиозных мотивов. Мифологическое представление о существовании ада и рая претерпевает своеобразное преломление в тексте: тайна жизни и смерти раскрывается неожиданным образом. Звучащая в тексте ирония относительно того, что произойдет, актуализируется использованием предложений «зажарят, а самых грешных перед этим замаринуют в уксусе», «грех – это избыточный вес». Тайна спасения от греха содержит в себе скрытый намек на расслоение общества, что подчеркивается контекстуально: «ни один костлявый и синий не будет ввергнут в пламя, а толстые и розовые будут там все. Но те, кто отныне и до страшного супа будут поститься, обретут вторую жизнь».

«Эй, вы! – закричал он. – Скоро все в ад пойдете. Вас там зажарят, а самых грешных перед этим замаринуют в уксусе» <> Я же, по воле богов и их посланца, моего господина, научу вас, как спастись. Для этого надо победить грех <> Грех – это избыточный вес <> Ибо худые спасутся, а толстые нет. Истинно так: ни один костлявый и синий не будет ввергнут в пламя, а толстые и розовые будут там все. Но те, кто отныне и до страшного супа будут поститься, обретут вторую жизнь» (Затворник и Шестипалый).

Метафора «жизнь-тревога» актуализируется в изменённом автором тексте песни: образ водородной бомбы является символом опасности, скоротечности человеческой жизни и отсутствия ее ценности.

«...долетали слова песни:

Стра-на моя! Сво-бод-ная!

Как бом-ба во-до-род-ная!» (День бульдозериста).

Постижение человеком действительности, в том числе осмысление собственной жизни, признаётся основой знания человека о мире, так как взаимодействие его с миром обязательно происходит в системе неких пространственных координат, а точкой отсчёта является сама жизнь.

Жизненное пространство является основным по своему масштабу и наиболее важным при восприятии мира и жизнедеятельности человека посредством категории бытия.

Отражение специфики индивидуально-авторского представления о мире основывается на уникальных ассоциациях, которые организуют текстовые и межтекстовые смысловые поля, позволяют выявить периферийную зону исследуемого концепта *Жизнь* как представляющую наибольший интерес при реконструкции фрагмента языковой картины мира В. Пелевина.

В заключении подводятся итоги исследования, обобщаются теоретические и практические результаты, определяются перспективы дальнейшей работы.

Объектом исследования в когнитивной лингвистике является концепт. Единицей и основой интерпретации художественного текста признаётся художественный концепт, который формируется на основе универсальных и индивидуальных представлений автора и проецируется в ментальное пространство его текстов. Значительную часть в художественном концепте занимают индивидуально-авторские представления, отражающие мировидение автора, его эстетическое кредо. Художественные концепты тяготеют к потенциальным образам за счёт выполнения заместительной функции и становятся результатом совокупного словарного значения слова с индивидуально-авторским наполнением.

Концепт *Жизнь* в произведениях В. Пелевина включает в себя ядерные и периферийные значения, а также периферийные компоненты. В ядре сконцентрирован базовый слой концепта *Жизнь*, представленные компоненты которого в произведениях В. Пелевина отличаются от его лексикографических составляющих, поскольку в них не учитываются индивидуально-авторские знания о мире и связанные с этим личностные ассоциативно-образные трансформации.

В ядро концепта включено понимание жизни как «биологического существования», что соответствует лексическому значению слова «жизнь», зафиксированному различными словарями. К периферийной зоне отнесены компоненты *Судьба, Качество жизни, Длительность*. Компонент *Судьба*, являясь контекстуальным синонимом *Жизни*, отражает особенность языковой картины мира автора, так как слово «судьба» не синонимично слову «жизнь». Частотность этой языковой репрезентации концепта является важным показателем его актуальности в когнитивном сознании писателя, поскольку отражает не только языковую, но и лингво-социальную актуальность концепта.

Другой особенностью пелевинской языковой картины мира является смещение акцентов в понимании жизни и смерти, что проявляется в контекстуальной синонимии понятий «жизнь» и «смерть».

Что же касается компонента *Движение*, то в проанализированных текстах этот компонент не реализуется в том значении, которое

представлено в различных словарях.

Компонент *Целостность* как полнота проявления физических и духовных сил противопоставлен *Существованию*, имеющему контекстуальное значение бесцельного проживания.

Периферия концепта отражает субъективный опыт автора и включает различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации, позволяющие говорить о ярко выраженной индивидуально-авторской картине мира. Образная составляющая концепта *Жизнь* представлена компонентами *Темнота, Борьба, Мир, Тоска* и одиночными экспликаторами *Дорога, Реальность, Тайна, Тревога* с преобладанием в них отрицательно-оценочных смыслов.

Сегмент *Жизнь* языковой картины мира В. Пелевина отличается от обыденного представления этого концепта: жизнь у В. Пелевина вызывает чувство тревоги, страха и тоски и ассоциируется с серостью, однообразием и скукой; отсутствует динамика жизни и возможность ее изменить.

Объяснением этому может служить то, что многие произведения были написаны в постперестроечную эпоху, когда в стране происходили негативные политические и экономические изменения, что породило страх перед будущим и не могло не сказаться отрицательно на жизни нескольких поколений. Поэтому к перспективе дальнейшего исследования может быть отнесено изучение других концептов в произведениях В. Пелевина для более полного представления о его авторском образе мира.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора

Статьи в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией

1. Хлопкова, Е.В. Языковая объективация концепта *Жизнь* в произведениях В. Пелевина // «Ученые записки» Российского государственного социального университета. - 2010. - №1. - С.158-162.
2. Хлопкова, Е.В. Особенности языковой картины мира Виктора Пелевина (на материале периферийных репрезентантов концепта *Жизнь*) // Социальная политика и социология. 2011. - №9 (97). - С.231-235.

Статьи в сборниках научных трудов и опубликованные доклады, представленные на научных конференциях

3. Хлопкова, Е.В. Концепт *Жизнь* в рассказе В. Пелевина «Стремление мотылька к огню» // Слово и культура: проблемы германской, романской и славянской стилистики: Материалы III международной научно-практической конференции. В 2 т. – Горловка, Горловский государственный педагогический институт Министерства просвещения и науки Украины. - 2007. - С. 169-171.
4. Хлопкова, Е.В. Лексическая репрезентация концепта *Судьба* в повести В.Пелевина «Желтая стрела» // Текст: теория и методика в контексте вузовского образования: сб. научн. трудов III Международной конференции. В 2-х т. Т.1. – Тольятти: ТГУ, 2008. - С. 82-85.
5. Хлопкова, Е.В. Вербализация концепта *Судьба* в произведениях В.Пелевина // Слово и культура: проблемы германской, романской и славянской стилистики: Материалы IV международной научно-практической конференции. В 2 т. – Горловка, Горловский государственный педагогический институт Министерства просвещения и науки Украины. – 2009. – С. 187-190.
6. Хлопкова, Е.В. Полевая структура концепта *Жизнь* // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка. - М.: МГУ, 2010. - С.277-278.